

МЕТОДОЛОГИЯ

В.Л. ТАМБОВЦЕВ

О разнообразии форм описания институтов

Последние годы демонстрируют существенный рост интереса исследователей к институциональной проблематике: теоретической и эмпирической оценке роли институтов в развитии экономик, выявлению механизмов взаимодействия формальных и неформальных институтов, воздействию последних на экономическую и социальную динамику и т.п. При этом в разных работах встречаются разные трактовки термина "институт", что затрудняет обобщение получаемых результатов. Более того, даже в рамках одного понимания налицо существенные различия в формах описания (моделирования) институтов, о чем и пойдет речь в данной статье.

Дело в том, что *описание* предметной области представляет собой первую функцию любой теории, и от того, как описан предмет, существенно зависит возможность формулировать относительно него проверяемые гипотезы, то есть возможность теоретического объяснения и особенно предсказания. Некоторые формы описания способствуют осуществлению процедур логического вывода, другие, напротив, препятствуют обеспечению воспроизводимости результатов, резко повышая значимость интуиции и вообще искусства исследователя. В этом аспекте формализованные описания (модели) обладают явным преимуществом, однако и они, вследствие разных изобразительных возможностей, могут быть в большей или меньшей степени адекватны описываемому предмету.

Все множество форм описания институтов можно подразделить на два типа – явные и неявные. Описания первого типа характеризуют с той или иной степенью полноты все *компоненты*, в единстве образующие (экономический) институт, описания второго типа отражают *последствия* функционирования или использования института. При анализе форм описания мы будем уделять особое внимание их возможностям в исследовании институциональных изменений, поскольку последние в состоянии оказывать особенно ошутимое воздействие на экономическое развитие.

Явные описания институтов

Исторически и логически первой формой явного описания институтов выступает их *неформализованное*, качественное описание. Например, правила принятия решений у древних персов были описаны Геродотом так: "За вином они обычно обсуждают самые важные дела. Решение, принятое на таком совещании, на следующий день хозяин дома, где они находятся, еще раз предлагает (на утверждение. – В.Т.) гостям

Тамбовцев Виталий Леонидович – доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

уже в трезвом виде. Если они и трезвыми одобряют это решение, то выполняют. И наоборот: решение, принятое трезвыми, они еще раз обсуждают во хмелю". Им же описан и институт "бесконтактного" обмена карфагенских купцов с обитателями восточного побережья Африки: "Всякий раз, когда карфагеняне прибывают к тамошним людям, они выгружают свои товары на берег и складывают в ряд. Потом опять садятся на корабли и разводят сигнальный дым. Местные же жители, завидев дым, приходят к морю, кладут золото за товары и затем уходят. Тогда карфагеняне опять высаживаются на берег для проверки: если они решат, что количество золота равноценно товарам, то берут золото и уезжают. Если же золота, по их мнению, недостаточно, то купцы опять садятся на корабли и ожидают. Туземцы тогда вновь выходят на берег и прибавляют золота, пока купцы не удовлетворятся. При этом они не обманывают друг друга: купцы не прикасаются к золоту, пока оно не равноценно товарам, так же как и туземцы не уносят товаров, пока те не возьмут золота" [Геродот, 1972, с. 133, 196].

Приведенные описания институтов, несмотря на свой более чем двухтысячелетний возраст, позволяют современному читателю достаточно явно представить существо обычая или правила: содержание и характер предпринимаемых действий, ситуацию, в которой последние осуществляются, а также природу субъектов подобных действий. Вместе с тем в описаниях опущены явные упоминания о санкциях за неисполнение нормативных действий, об условиях применения санкций и об их субъектах (гарантах). Разумеется, исходя из контекста, отсутствующие данные, равно как и гипотетические объяснения существования этих институтов, можно реконструировать, однако исходное описание все равно окажется неполным. Кроме того, явные словесные описания институтов редко содержат количественные характеристики его структуры и параметров функционирования. Подобные описания институтов также могут выделять в их структуре и процессе функционирования несовпадающие компоненты, что затрудняет сопоставление соответствующих норм и механизмов принуждения к их исполнению, их сравнительный анализ.

Таким образом, в целом по данному типу описаний институтов можно заключить, что, будучи важнейшим источником информации о существовании санкционируемого порядка действий, он нуждается в определенной стандартизации. Как представляется, достаточно эффективным средством для этого может служить формальная логика, точнее – такой ее раздел, как *логика норм*. Соответствующую форму описания института можно назвать *логической формой*.

В основу логического описания института могут быть положены представления о том, что разнообразие норм определяется «следующими четырьмя "элементами" или "частями" нормы: содержанием, условиями приложения, субъектом и характером. Содержанием нормы является действие, которое может, должно или не должно быть выполнено; условия приложения – это указанная в норме ситуация, с наступлением которой следует или допустимо реализовывать предусмотренное данной нормой действие; субъект – лицо или группа лиц, которым адресована норма. Характер нормы определяется тем, обязывает она, разрешает или запрещает выполнить некоторое действие» [Ивина, 1973, с. 22–23].

Такой набор элементов, составляющих норму, вероятно, вполне достаточен для ее характеристики внутри логики (что подтверждает, например, опыт формирования многообразных логических исчислений норм в упомянутой книге А. Ивина и в других публикациях по данной тематике), однако не полностью соответствует нуждам *экономического анализа* институтов. Действительно, если определить институт как "ряд правил, которые выполняют функцию ограничений поведения экономических агентов и упорядочивают взаимодействие между ними, а также соответствующие механизмы контроля за соблюдением этих правил" [Шаститко, 1998, с. 408] и сопоставить это определение с приведенным набором элементов, легко заметить, что в последнем отсутствуют какие-либо параметры для описания *механизма санкционирования* (принуждения к исполнению) предусматриваемых нормой действий.

Следовательно, принимая саму идею формально-логического описания норм, для целей изучения институтов мы должны дополнить ряд указанных элементов нормы компонентами, отражающими подобные механизмы.

Как представляется, такими минимально необходимыми дополнительными элементами могут выступать *перечень санкций* и *гарант* нормы. Перечень санкций представляет собой набор действий, предпринимаемых в отношении субъекта нормы ее гарантом, если последний обнаруживает в действиях субъекта отклонения от предписываемого содержания нормы. Гарант нормы – индивид, определенная группа индивидов, специализированная организация или группа организаций, либо все множество индивидов, применяющих санкции к субъектам нормы, отклоняющимся в своих действиях от ее содержания.

Итак, полная стандартизированная логическая структура института включает описания:

- содержания (**A**);
- условий приложения (**Cn**);
- субъекта (**St**);
- характера (**M**);
- перечня санкций (**P**);
- гаранта нормы (**G**).

Введенные символические обозначения элементов института вместе со стандартными средствами формальной логики (кванторами, квалификаторами, предикатами и пропозициональными связками) позволяют реконструировать следующее логическое определение института, уточняющее его качественное определение, которое было предложено выше:

$$\begin{aligned} \{(\mathbf{A}, \mathbf{Cn}, \mathbf{St}, \mathbf{M}, \mathbf{P}, \mathbf{G}) = df \mathbf{I}\} \equiv \forall (x \in \mathbf{St}) \ \& \\ \& \ \forall t \{ [\mathbf{Cn}(x, t) \Rightarrow \mathbf{M}(\mathbf{A}(x, t))] \cup [\mathbf{Cn}(x, t) \ \& \ \neg \mathbf{M}(\mathbf{A}(x, t)) \Rightarrow \mathbf{G}(\mathbf{P}(x, t + \Delta t))] \}. \end{aligned} \quad (1)$$

Эта логическая формула может быть прочитана следующим образом: набор (**A**, **Cn**, **St**, **M**, **P**, **G**) является институтом, то есть $(\mathbf{A}, \mathbf{Cn}, \mathbf{St}, \mathbf{M}, \mathbf{P}, \mathbf{G}) = df \mathbf{I}$, тогда и только тогда, когда любой индивид, являющийся субъектом нормы ($\forall (x \in \mathbf{St})$), в любой момент времени ($\forall t$), оказавшись в условиях приложения нормы (**Cn**(x, t)), выполняет предписываемые ею действия соответствующего характера (**M**(**A**(x, t))), то есть **Cn**(x, t) $\Rightarrow$ **M**(**A**(x, t))), либо, если он находится в ситуации приложения нормы и не действует предусматриваемым способом (**Cn**(x, t) $\&$ $\neg$ **M**(**A**(x, t))), то гарант нормы некоторое время спустя ($t + \Delta t$, $\Delta t \geq 0$) применяет к индивиду соответствующие санкции **G**(**P**($x, t + \Delta t$))), то есть **Cn**(x, t) $\&$ $\neg$ **M**(**A**(x, t))) $\Rightarrow$ **G**(**P**($x, t + \Delta t$))).

Предложенная логическая формула весьма громоздкая, однако ее достоинство – *явное выражение* всех существенных элементов, из которых складывается функционирующий институт, а также логических, временных и причинных *связей* между этими элементами. Тем самым эта формула характеризует экономические институты как особые *системы действий*. Если опираться в исследованиях на эту формулу, то стандартизированно описать любой институт – значит, заменить использованные в ней символические обозначения конкретными, качественными и/или количественными описаниями элементов нормы, включая характеристику времени задержки при применении санкций (Δt), то есть специфицировать все переменные и константы, входящие в запись формулы (1).

Формула (1) предоставляет также богатые "изобразительные возможности" для описания *институциональных изменений*. Действительно, изменением какого-либо института, описанного в соответствии с нею, будет изменение в спецификации любого из его компонентов – содержания (**A**), условий приложения (**Cn**), субъекта (**St**), характера (**M**), перечня санкций (**P**), гаранта нормы (**G**) либо времени задержки применения санкции (Δt), а также различных сочетаний всех перечисленных компонентов. Соответственно, все они могут быть положены в качестве основы в одну из воз-

возможных классификаций институциональных изменений. Логическое описание институтов, очерченное выше, можно рассматривать как основу для построения еще одного типа из явных описаний – *алгоритмических*¹.

Алгоритм – упорядоченная последовательность инструкций или команд, выполнение которых приводит к получению определенного результата. Другими словами, алгоритм определяет последовательность действий индивида, переводящих его из одного состояния в другое или позволяющих изменить ситуацию, в которой он пребывает, на некоторую другую. Легко видеть, что те же функции по отношению к индивиду выполняет и норма (институт): последовательность предикатов и логических связей, входящих в формальное определение института (1), обуславливает *последовательность операций* или действий, которые должен выполнить индивид для того, чтобы вести себя в соответствии с нормой.

Для общего случая произвольного института эта последовательность операций (точнее, предписаний или инструкций по выполнению операций) для субъекта *St* может быть реконструирована следующим образом:

- (1) идентифицируй ситуацию, в которой находишься – S^* ;
- (2) сопоставь ее с известными условиями приложений норм $Cn1, Cn2..., Cnk$;
- (3) если $S^* \neq Cni, i = 1, 2..., k$, то поступай по своему усмотрению, иначе
 - (3.1) оцени последствия выполнения A ;
 - (3.2) оцени последствия невыполнения A путем действия $A^* \neq A$;
 - (3.2.1) для этого оцени риск обнаружения нарушения гарантом G ;
 - (3.2.2) оцени последствия применения санкции P ;
- (4) сопоставь последствия выполнения A и A^* ;
- (5) прими решение.

При анализе предписаний, входящих в этот алгоритм, обращают на себя внимание по меньшей мере два обстоятельства. Во-первых, разные *St*, оказавшись в одной и той же реальной ситуации, в силу несовпадающих ограничений своей рациональности могут приходить к разным выводам относительного следования или неследования норме. Ограниченность рациональности [Саймон, 1993] проявляется в двух основных направлениях *неполнота информации*, которой располагает индивид при принятии решений, ограниченные возможности ее восприятия и запоминания, а также *ограниченные вычислительные возможности*, то есть неспособность полностью учитывать значительное число факторов, проводить долгие и сложные вычисления и т.п. Оба эти аспекта могут по-разному проявляться при исполнении индивидами приведенных предписаний: кто-то может неверно идентифицировать ситуацию S^* , кто-то – неправильно оценить последствия выполнения A^* или способности G обнаружить нарушение и т.п. Таким образом, действуя по одному алгоритму, разные индивиды могут несхожим образом вести себя в ситуациях, регулируемых тем или иным институтом, что и наблюдается в реальном экономическом поведении.

Кроме того, инструкции приведенного алгоритма неоднозначно определяют конкретные действия, которые надлежит выполнить индивиду, то есть они образуют *нечеткий алгоритм*: "По своей сути нечеткий алгоритм представляет собой упорядоченную последовательность инструкций (подобно программе для вычислительной машины), некоторые из которых могут содержать символы нечетких множеств, например: *если у велико, то немного уменьшишь x...* То, что в алгоритме допускаются инструкции подобного типа, позволяет приближенно описывать с его помощью самые разнообразные сложные явления. Важно то, что будучи нечеткими по своей природе, такие описания могут быть полностью адекватны целям поставленной задачи. Нечеткие алгоритмы такого рода могут дать эффективные способы приближенного описания целевых функций, ограничений, функционирования системы,

¹ Алгоритмический характер социальных норм отмечался в [Клаус, 1967, с. 38] и был достаточно подробно обсужден в [Плахов, 1985, с. 41–50].

стратегий и т.д." [Заде, 1974, с. 11]. Очевидно, нечеткие алгоритмы вполне пригодны и для описания экономических (и шире – социальных) институтов.

Представленное выше алгоритмическое описание произвольного института характеризует действия *отдельного индивида* в "нормируемой" ситуации. Вместе с тем подавляющее большинство правил поведения, являющихся институтами, регулируют не *действия индивида*, а *взаимодействие индивидов*. Этот факт может быть отражен в рамках обсуждаемого описания через раскрытие содержания блока А. Как представляется, таким уточнением будут служить два или более "подалгоритма" индивидуальных действий каждого из решивших следовать норме, регулирующей поведение в ситуации S*. Такие *частичные алгоритмы* должны быть, очевидно, *согласованы* и *синхронизированы* друг с другом, то есть в ответ на "правильное" действие одного субъекта другой, в соответствии со своим частичным алгоритмом, должен предпринимать свое "правильное" действие и т.п. Свой частичный алгоритм действий должен существовать также и для гаранта нормы. Таким образом, полное алгоритмическое описание какого-то конкретного экономического института будет представлять собой согласованную совокупность частичных алгоритмов действий для каждого из индивидов, находящихся (оказавшихся) в регламентируемой этим институтом ситуации. В символическом виде это утверждение можно отразить следующим образом: $I =_{df} \{\sigma_1, \dots, \sigma_k; \sigma_g\}$, где $\sigma_1, \dots, \sigma_k$ суть алгоритмы действий индивидов (1..., k), а σ_g – алгоритм действий гаранта нормы.

Алгоритмическое описание институтов позволяет ставить относительно них целый ряд важных *аналитических* исследовательских задач. Во-первых – определить для индивидов издержки идентификации условий применения нормы. Очевидно, они могут существенно различаться для неформальных и формальных институтов, скажем, для обычаев и законов. Для последних такие издержки будут существенно зависеть от того, как сформулирован закон, насколько детально и однозначно "прописаны" его положения, в какой степени он соответствует принципам институционального проектирования [Тамбовцев, 1997] и т.п. Во-вторых, с помощью алгоритмического описания можно определить для гарантов нормы издержки идентификации ситуации нарушения нормы. Как и в первой задаче, такие издержки существенно разнятся для формальных и неформальных норм, причем в случае формальных норм издержки демонстрируют зависимость от тех же факторов. Кроме того, они зависят от особенностей мониторинга поведения субъектов нормы, включая стимулы для ее работников по выявлению нарушений и доведению информации до исполнительных звеньев, осуществляющих наказание. В-третьих, алгоритмическое описание помогает оценить действенность встроенных в институт санкций, их влияние на поведение индивидов, соответствие порождаемых санкциями издержек с потенциальными выгодами нарушения нормы и т.д. Решение перечисленных и других связанных с ними задач позволит как объяснить поведение индивидов, так и предсказать его, исходя из принципа ограниченной рациональности. Аналогично объяснения и предсказания могут быть также даны и по отношению к изменениям различных компонентов институтов. Очевидно, знания, полученные в ходе решения этих задач, – исходные данные для постановки и решения сопряженных с ними "проектно-конструкторских" вопросов совершенствования формальных институтов: 1) как обеспечить однозначность идентификации нормируемой ситуации? 2) как оптимизировать исполняемость нормы? 3) как оптимизировать систему контроля выполнения нормы? и т.п.

Итак, логическое и алгоритмическое описания институтов в своем полном виде требуют не только наблюдения "невооруженным глазом", но и применения целого набора специальных аналитических методов. Однако, в отличие от неформализованного, такие описания будут содержать не только качественную, но и количественную информацию о функционировании института, что чрезвычайно важно для его экономического анализа, и прежде всего для экономического анализа институциональных изменений.

Вместе с тем подробные описания конкретных экономических институтов, приближающиеся к модели полного логического или алгоритмического описания, нам неизвестны. О причинах их отсутствия в доступной литературе можно только догадываться. Вероятно, одна из них – недостаточная развитость языков описания. Во всяком случае, наиболее распространенными в экономических исследованиях по проблематике институтов и институциональных изменений являются неявные способы их описания.

Неявные описания институтов

Общей "формулой" неявного описания института можно считать следующую:

$$I = \{N; C1, C2..., Cm, B1, B2..., Bn\}, \quad (2)$$

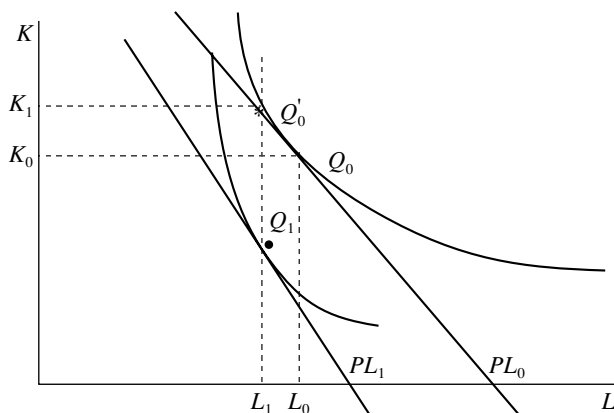
где N – словесное наименование обсуждаемого института, $C1, C2..., Cm$ – количественно выраженные издержки различных видов, связанные с функционированием института, а $B1, B2..., Bn$ – количественные оценки различных выгод, порождаемых его действием.

Неявные описания институтов типичны для микроэкономического анализа. При этом естественно выделяются две их разновидности: характеристика количественных последствий функционирования института в терминах аналитического или графического описания (1) и в терминах теории игр (2).

Микроэкономические описания. Данный способ косвенного описания экономических институтов использует стандартную графическую технику представления последствий введения нового института, сопоставляя их с ранее существовавшей ситуацией либо изображая реально существующую ситуацию, где действует некоторый институт, в сопоставлении с гипотетической ситуацией, где описываемый институт отсутствует. Иного способа характеризовать экономические параметры рассматриваемого института *в сравнении* с той или иной *другой* институциональной структурой при использовании графического (или соответствующего аналитического) формализма просто нет. Дело в том, что любые характеристики затрат и результатов экономического действия или процесса "впечатаны" в некоторую институциональную структуру. Следовательно, чтобы отразить ее влияние, нужно реально или в воображении изменить хотя бы какой-то ее компонент, поэтому графики, иллюстрирующие действие изучаемого института, всегда включают элементы сравнительного анализа (сравнительной статистики).

В качестве примера приведем описание действия вводимого института ответственности работодателя за несчастные случаи на производстве, разобранного Д. Бромли [Bromley, 1989, p. 111–115] (см. рис.). Пусть в существующей институциональной структуре владелец шахты не несет ответственности за происшествия, случающиеся с рабочими. В этом предположении относительная цена труда и капитала выражается линией PL_0 , что обуславливает их эффективное использование в количествах L_0 и K_0 , соответственно. Пусть теперь рабочим предоставлено защищенное право собственности на их будущую рабочую силу, то есть ответственность за ее утрату возложена (если потеря произошла не вследствие нарушения правил самим работником) на работодателя. Это заставляет его осуществлять дополнительные инвестиции в мероприятия по технике безопасности, что сдвигает относительные цены капитала и труда. Пусть новая линия относительных цен будет PL_1 . Эффективная комбинация используемых объемов труда и капитала в этих условиях, как легко видеть, изменится.

Одновременно в новых относительных ценах изменится и выпуск продукции шахты: он уменьшится с Q_0 до Q_1 . При введенном институциональном изменении для того, чтобы восстановить выпуск в прежнем объеме, то есть вернуться на прежнюю линию уровня производственной функции в точке Q_0 , нужно использовать труд и капитал в объемах L_1 и K_1 , соответственно.

Использование труда и капитала при разных институциональных структурах.

Итак, приведенный пример микроэкономического описания достаточно ясно показывает, что в его рамках собственно институт характеризуется фактически только *названием*, а предмет анализа составляют количественные и качественные экономические последствия его функционирования или его введения для сторон (экономических агентов), строящих свое поведение в соответствии с ним.

Преимущества (сильные стороны) такого описания заключаются в том, что при характеристике упомянутых последствий исследователь может опереться на известные микроэкономические модели, такие как производственная функция, функция полезности, модели поведения потребителя и производителя на рынках различных типов и т.п. Безусловно, это дает весьма широкие возможности для объяснения наблюдаемого поведения индивидов, затрагиваемых институтом (или его изменением), и оценки (предсказания) будущих изменений в их поведении. Здесь в полной мере проявляется познавательная функция моделей как заместителей изучаемого объекта в процессе его исследования.

Вместе с тем, хотя микроэкономические описания институтов весьма эффективно *объясняют действия* агентов под влиянием правил, исходя из предпосылки их максимизирующего поведения, нетрудно убедиться, что обсуждаемый формализм практически ничего не дает для *предсказания* институциональных изменений. Точнее говоря, с его помощью можно только получить ответ на вопрос о том, какая из *уже описанных* дискретных институциональных альтернатив окажется преобладающей в конкретных условиях экономической и институциональной среды, исходя из ожидаемых (предвидимых) соотношений затрат и выгод для ее участников.

Теоретико-игровые описания. В их рамках институт отображается как одна из возможных стратегий действий игроков, наряду с другими стратегиями, предполагающими действия "не по правилам". Такой способ описания и анализа институтов получил широкое распространение после выхода в свет книги Э. Шоттера "Экономическая теория социальных институтов". В отличие от других ученых, применявших теорию игр в экономических и социальных исследованиях (см., например, обобщающую монографию [Shubik, 1982]), рассматривавших правила фиксированными, Шоттер трактует *правила* (институты) как *равновесия повторяющихся игр*, то есть как стратегии, доказавшие в ходе истории свою способность обеспечивать успех тем экономическим агентам, которые им следуют. По его мнению, "в повторяющихся играх игроки развивают определенные социетальные соглашения, – решающие правила (rules of thumb), нормы, конвенции и институты, – которые передаются последующим поколениям игроков" [Schotter, 1981, p. 12].

Поскольку в рамках описания игры в нормальной форме любая стратегия описывается ее номером (или словесным наименованием) и вектором выигрышей и проигрышей (строкой или столбцом платежной матрицы), нетрудно убедиться, что такое сочетание в точности соответствует формуле (2). То или иное изменение института, отражаемого подобным образом, фиксируется, во-первых, изменениями в неформализованном описании соответствующей стратегии (как правило, при этом говорится об изменениях в содержании нормы и в составе ее санкций), а во-вторых – изменениями в компонентах платежной матрицы.

Концентрация внимания именно на этих компонентах институтов неудивительна: ведь в рамках языка теории игр затруднительно найти изобразительные средства для описания остальных компонентов нормы. Если, скажем, для правил, регулирующих взаимодействие нескольких индивидов, моделью может быть соответствующая игра n лиц (что, впрочем, сразу делает практически невозможным наглядное описание такого института), а в качестве модели гаранта нормы может выступить "дополнительный" игрок, то для отображения характера нормы язык теории игр просто не содержит каких-либо знаковых возможностей.

Вместе с тем формализм теории игр весьма удобен для исследования взаимодействия индивидов, находящихся в ситуации взаимозависимого выбора из нескольких дискретных вариантов действий, характеризующихся наборами издержек и выгод. Он позволяет изучать подобный выбор как в статике, так и в динамике (повторяющиеся игры), находить и исследовать точки равновесия, в том числе множественного, и т.п.

Критика теоретико-игрового описания институтов связана прежде всего с тем, что данный формализм приводит к "дурной бесконечности" при его использовании в решении задачи объяснения происхождения институтов. Ведь в игре полагаются заданными не только набор стратегий, но и *правила самой игры*. Конечно, последние также можно рассматривать как устойчивую стратегию, выработанную в рамках еще более общей (мета)игры, но у той также должны быть *свои* правила и т.д. Тем самым, отмечает А. Филд [Field, 1979], комментируя попытку теоретико-игрового подхода к объяснению возникновения норм, предпринятую Э. Уллман-Марголит [Ullman-Margolit, 1977], мы оказываемся неспособными достичь исходного, свободного от институтов, состояния общества, с которого в принципе должно начинаться объяснение их происхождения.

Таким образом, эта критика обнаруживает *ограниченность объяснительных возможностей* данной формы описания институтов. Что же касается возможностей предсказывать институциональные изменения, то теоретико-игровое описание позволяет определить, какое из известных изменений, представляемых в нем как новые стратегии, скорее всего окажется равновесным (или одним из равновесных), то есть позволяет решать ту же задачу предсказания, что и микроэкономическое описание. В связи с этим трудно согласиться с утверждением, будто "математический аппарат, традиционно используемый экономистами (дифференциальное исчисление), вряд ли приемлем в качестве базового метода в анализе взаимодействий...", вследствие чего "формальные модели в институциональной экономике строятся с помощью теории игр" [Олейник, 2000, с. 75]. Как было показано, оба эти способа описания институтов имеют одинаковые возможности постановки и решения задач объяснения и предсказания институциональных изменений.

Социологические описания институтов

Если эмпирическое исследование институтов (и институциональных изменений), происходящих в экономике, стремится к полноте решения своих задач, оно в той или иной мере, но неизбежно будет затрагивать и их социальные аспекты или последствия. Как было показано К. Бруннером, экономическая теория и социология кардинально различаются между собой в базовой модели человека. Если *homo economicus* – это изобретательный, оценивающий и максимизирующий индивид, то *homo socio-*

logicus – индивид, следующий (подчиняющийся) нормам. Именно нормы и образуемые ими структуры составляют тот жесткий каркас ограничений, внутри которых действуют люди: "...ценности возникают в форме мнений, отношений, ориентаций, норм или правил поведения. Хотя эти шаблоны, очевидно, формируют поведение индивида, ценности, как социальные феномены, представлялись социологам находящимися вне пределов инициативы и решений индивидов. Со времен Дюркгейма... это представление превалировало в большинстве работ по социологии. Представление о внешней заданности ценностей обуславливало такой анализ социальных условий и сил, образующих социальный процесс, который был в значительной степени не зависим от поведения и взаимодействия индивидов" [Бруннер, 1993, с. 51].

Необходимо отметить, однако, что в современной социологической теории практически "на равных" соседствуют различные парадигмы. По мнению В. Ядова, основными конкурирующими подходами на сегодня являются структурный и феноменологический. Структурализм «предлагает представление об обществе как о структурированном целостном организме. Эта социологическая парадигма акцентирует внимание на социальных структурах и отклонения от этих структур, то есть социальных норм, рассматривает как "ненормальное" состояние. Другой взгляд на общество – феноменологический, где в центр внимания поставлены люди с их интересами, потребностями, самопроизвольностью действий. Это тоже вполне правдоподобный взгляд на общество: в самом деле, здесь нет жестко предсказуемых естественно-исторических закономерностей, во многом мы их не обнаруживаем. Роль субъективного фактора в обществе очень велика, поэтому сводить общественное развитие к каким бы то ни было абсолютно объективным законам, где человек исполняет, по выражению одного крупного современного социолога, роль структурного болвана, – это, наверное, было бы неправильно. Генеральная проблема заключается в том, как совместить эти два подхода» [Ядов, 1999, с. 313].

Итак, можно утверждать, что представленная Бруннером модель *homo sociologicus* – модель лишь *структуралистского homo sociologicus*, и наряду с ней в социологии присутствует и другой человек, характеризующийся "интересами, потребностями, самопроизвольностью действий". Такой индивид, как легко видеть, куда ближе к *homo economicus* – изобретательному, оценивающему и максимизирующему.

Одним из современных подходов, позволяющих соединить структуралистский и феноменологический взгляд на общественную динамику, выступает так называемый *деятельностный* подход. Его основы заложены в работах Э. Гидденса [Giddens, 1979; 1984], который, «делая ударение на постоянно меняющейся природе социальной реальности, чей истинный субстрат лежит в действиях и взаимодействиях субъектов – людей... предложил преобразовать статическое понятие "структура" в динамическую категорию "структурация", означающую описание коллективного поведения людей» [Штомпка, 1996, с. 249]. В соответствии с подходом, предложенным Гидденсом, "изучать структурацию социальной системы означает изучать те пути, которыми эта система – в рамках применения общих правил и ресурсов и в контексте непреднамеренных результатов – производится и воспроизводится во взаимодействии" [Giddens, 1979, p. 6].

Исследование процессов структурации как коллективной деятельности по *применению* индивидами существующих правил, в отличие от исследования структуры как системы, *предопределяющей* действия людей, позволило Гидденсу сформулировать два весьма важных положения, существенно приближающих социологический подход к позициям неоинституциональной экономической теории. Во-первых, это трактовка институтов (норм) как *средств* или *ресурсов*, с помощью которых индивиды стремятся достичь нужных им результатов: «Агенты и структуры не являются двумя независимыми комплексами явлений и не составляют онтологического дуализма, но представляют собой двойственное целое. В соответствии с "дуальным" пониманием структуры, структурные свойства социальных систем рассматриваются одновременно и как средство, и как результат практики, которую они организуют, попеременно

опираясь друг на друга» [Giddens, 1984, p. 25]. Легко видеть, что оппортунистическое поведение, признаваемое неотъемлемой чертой *homo economicus* – не что иное, как инструментальное использование институтов в собственных целях.

Во-вторых, концепция Гидденса включает в себя предпосылку *ограниченной рациональности* индивидов: "Человеческая способность к познанию всегда ограничена. Поток действий постоянно приводит к неожиданным последствиям, которые, в свою очередь, могут формировать условия для непреднамеренных действий по типу обратной связи". Эту ограниченность Гидденс связывает с материальностью индивидов: "Телесность человека накладывает строгие ограничения на его способность к передвижению и восприятию" [Giddens, 1984, p. 27].

Как замечает в связи с этими утверждениями П. Штомпка, "эта весьма простая констатация оказывается невероятной сложной, и социологи редко отваживаются ее принять. Благодаря Гидденсу, деятельность окончательно признается как воплощение индивидуальных человеческих существ. Теперь никто уже не подвергает сомнению тот факт, что человеческое общество формирует не какая-то тенденция системы или ориентированные на изменения коллективы, классы, движения, а повседневное поведение обычных людей, часто далеких от каких-либо реформистских намерений" [Штомпка, 1996, с. 249–250]. Это означает, что социологическая теория Гидденса по существу включила доктрину *методологического индивидуализма*, господствующую в экономической теории, и приняла на вооружение идею *рынка* ("метафору рынка", по выражению Штомпки) как массовой индивидуальной деятельности, которая без специального замысла со стороны участников рыночного процесса координирует действия отдельных индивидов.

Итак, деятельностный подход к пониманию институтов в современной социологии, расцениваемый самими социологами как многообещающий синтез двух ее классических конкурирующих парадигм – структурализма и феноменологизма, фактически воспринял и применил к анализу общества основные предпосылки экономической теории, в том числе и новой институциональной экономики.

Семиотическая трактовка институтов

Функционирование институтов в экономике неразрывно связано с процессами создания, восприятия и переработки информации. Более того, само существование правил имеет *знаковую* форму – в тех случаях, когда правило существует в виде определенного текста на том или ином носителе. Это означает, что для более полного понимания и исследования экономических институтов безынтесным может оказаться их понимание в рамках семиотики – науки, изучающей разнообразные знаковые системы.

Знаком, как известно, называется любой предмет, который *поставлен* некоторым индивидом или группой индивидов *в соответствие* другому предмету. "Знаки имеют какие-то свойства кроме того, что находятся в соответствии с обозначаемыми. На роль знаков отбираются удобные предметы, а не любые. Со временем лишь определенного вида предметы становятся знаками-профессионалами. Но в качестве знаков они берутся исключительно с точки зрения их места и роли в соответствии. Знаки должны непосредственно восприниматься теми, для кого они предназначены... Предметы становятся знаками не в силу каких-то причин, заложенных в них самих, а по воле и желанию исследователей. Знаки отличаются от чувственных образов предметов: последние суть состояния исследователя, суть состояния его природного отражательного аппарата, тогда как первые суть предметы, находящиеся вне исследователя, существующие наряду с ним, отделяемые от него" [Зиновьев, 1967, с. 19]. Из одних знаков по определенным правилам формируются другие, составляющие в совокупности те или иные *тексты* – последовательности знаков, отображающих некоторые последовательности событий.

Базовым моментом семиотического понимания институтов выступает осознание их как компонентов *культуры*, трактуемой, в свою очередь, как некоторая знаковая конструкция. В семиотическом понимании культура – не просто множество искусственно созданных вещей, действий, поступков и т.п. Все названное образует культуру только в том случае, если эти вещи, действия и поступки имеют значения и смысл, то есть представляют собой совокупности знаков. «Культура вообще может быть представлена как совокупность текстов; однако... точнее говорить о культуре как о механизме, создающем совокупность текстов, и о текстах, как о реализации культуры. Существенной чертой типологической характеристики культуры может считаться ее самооценка в этом вопросе. Если одним культурам свойственно представление о себе как о совокупности нормированных текстов (примером может служить "Домострой"), то другие моделируют себя как систему правил, определяющих создание текстов. Иначе можно было бы сказать, что в первом случае правила определяются как сумма прецедентов, а во втором – прецедент существует только в том случае, если описывается соответствующим правилом» [Лотман, Успенский, 1971, с. 152–153].

В свете приведенной трактовки поведенческие акты индивидов естественно рассматривать как своеобразные тексты, а правила (институты), регулирующие эти акты, – как механизмы порождения текстов. Подобно тому, как из множества текстов исследователь-лингвист реконструирует порождающие их правила, то есть систему грамматики, из множества поведенческих актов исследователь-экономист реконструирует обуславливающие их правила, то есть систему институтов.

Чем может быть полезна для исследования экономических институтов очерченная выше "семиотическая метафора"? В первую очередь тем, что она помогает "встроить" в аналитический контекст экономической теории более широкий круг феноменов (не только экономических), влияющих на фактически осуществляемые индивидами действия и поступки. Существенно, что речь при этом идет не о "подсоединении" к экономическим феноменам и понятиям качественно отличных от них феноменов и понятий культуры, а о создании единой, качественно однородной трактовки и тех и других – трактовки семиотической.

Не останавливаясь здесь на семиотических аспектах экономики и экономического поведения, представляющих собой безусловный предмет самостоятельного исследования, отмечу в заключение, что семиотическая – знаковая и информационная – сторона функционирования институтов чрезвычайно важна для понимания процессов институциональных изменений, хотя это направление исследований и не получило пока сколько-нибудь заметного развития.

* * *

Итак, опираясь на представленные положения, можно утверждать, что наиболее широко используемые в настоящее время в экономической литературе неявные микроэкономические формы описания институтов, во-первых, не отражают их структуру, вследствие чего институты не эндогенны по отношению к моделям; во-вторых, экзогенными на базе таких описаний оказываются и институциональные изменения. Вместе с тем явные алгоритмические описания институтов, наиболее близкие их природе, пока не находят должного внимания среди исследователей, что, как представляется, сдерживает развитие изучения институтов и в экономике, и в других сферах жизнедеятельности общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бруннер К. Представление о человеке и концепция социума: два подхода к пониманию общества // THESIS. 1993. Вып. 3.
Геродот. История. М., 1972.

- Заде Л.* Основы нового подхода к анализу сложных систем и процессов принятия решений // Математика сегодня. М., 1974.
- Зиновьев А.А.* Основы логической теории научных знаний. М., 1967.
- Ивин А.А.* Логика норм. М., 1973.
- Клаус Г.* Кибернетика и общество. М., 1967.
- Лотман Ю., Успенский Б.* О семиотическом механизме культуры // Труды по знаковым системам. Вып. 5. Тарту, 1971.
- Олейник А.* Институциональная экономика. М., 2000.
- Плахов В.Д.* Социальные нормы. Философские основания общей теории. М., 1985.
- Саймон Г.* Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS. 1993. Вып. 3.
- Тамбовцев В.Л.* Государство и переходная экономика: пределы управляемости. М., 1997.
- Шаститко А.Е.* Неинституциональная экономическая теория. М., 1998.
- Штомпка П.* Социология социальных изменений. М., 1996.
- Ядов В.А.* Теоретическая социология в России: проблемы и решения // Общество и экономика. 1999. № 3–4.
- Bromley D.W.* Economic Interests and Institutions: The Conceptual Foundations of Public Policy. New York, 1989.
- Field A.* On the Explanation of Rules Using Rational Choice Models // Journal of Economic Issues. 1979. Vol. 13. № 1.
- Giddens A.* Central Problems in Social Theory. London, 1979.
- Giddens A.* The Constitution of Society. Cambridge, 1984.
- Schotter A.* The Economic Theory of Social Institutions. Cambridge, 1981.
- Shubik M.* Game Theory in the Social Sciences. Cambridge (Mass.), 1982.
- Ullman-Margolit E.* The Emergence of Norms. Oxford, 1977.

© В. Тамбовцев, 2004